

Во всех почтовых отделениях связи Краснодарского края продолжается подписка на газету «Кубанский писатель» на 2 полугодие 2017 года.

Кубанский Писатель

12+

№ 3 (118)

март
2017 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

В День писателя

В Краснодаре в художественной галерее «Сантал» прошёл большой литературно-музыкальный праздник, организованный Краснодарским региональным отделением Союза писателей России и посвящённый Всемирному Дню писателя.

По традиции в этот день собрались поэты и прозаики Союза писателей России, члены краевого литературного объединения «Верность». На встречу с ними пришли студенты Кубанского государственного университета и Краснодарского педагогического колледжа.

С большим интересом и вниманием они встретили каждое выступление литераторов. В своём приветственном слове председатель краевой писательской организации С. Н. Макарова рассказала о том, как живёт и работает писательская организация, отмечающая в этом году своё семидесятилетие. А также о литературном наследии кубанских прозаиков с мировой славой. О лауреатах Сталинской и Государственной премии А. Н. Степанове, А. А. Первенцеве, Г. А. Федосееве, А. Д. Знаменском, произведения которых переведены на многие языки мира, по ним созданы фильмы и пьесы.

Кубанских литераторов с Днём писате-

ля поздравил гость из Москвы, секретарь, член правления Союза писателей России В. В. Дворцов, отметив высокий уровень профессионализма кубанцев и большую общественную работу писательской организации, одним из ярких примеров которой является издание газеты «Кубанский писатель».

На празднике дипломы лауреатов литературной газеты за лучшие публикации в 2016 году вручены Н. Т. Василининой, Л. Д. Бирюк, В. А. Динке, Е. Н. Неподоба, В. М. Миронову. Все они обратились к молодёжной аудитории со словами признания своим учителям-наставникам, поделились воспоминаниями о творческом становлении, прочитали новые стихи.

О том, как важно услышать мудрое слово в процессе постижения ремесла, рассказала Екатерина Тушкова, участница краевого семинара молодых литераторов 2016 года в Краснодаре. Она призвала ребят искать любую возможность

общения с яркими талантливыми людьми, с творчески одарёнными личностями.

О силе слова, не уступающей грозному оружию, поведал поэт и бард Ю. Г. Васин. Свои стихи и песни он посвятил защитникам Отечества.

Прозаик Г. Г. Пошагаев рассказал ребятам о своих книгах, в которых отразилась война, сиротское детство и пора взросления послевоенного поколения.

Гражданскую лирику и стихи, наполненные светлыми чувствами, прочитали члены краевого литературного объединения «Верность», среди которых Л. М. Дедкова, О. Г. Никулин, Е. Н. Степура, Н. Н. Никулина, Г. А. Аникушина.

Одним из ярких впечатлений для собравшихся стала, несомненно, выставка картин Константина Канского, представленная в этот день в галерее. В заключении все гости праздника получили в подарок свежий номер газеты «Кубанский писатель».

УРОКИ МАСТЕСТВА

25 февраля в центральной городской библиотеке г. Горячий Ключ состоялся краевой литературный семинар организованный ЛТО «Центр» и Краснодарским региональным отделением Союза писателей России.

В нём приняли участие представители литературных объединений из Тихорецка, Усть-Лабинска, Апшеронска, Кореновска, Северского района, Краснодара и Горячего Ключа. Проявили к семинару интерес и начинающие молодые авторы из Комитета по делам молодёжной политики Горячего Ключа, а также ученики школы № 3, при которой недавно образовался литературный кружок.

Руководитель семинара Смоленцев Алексей Иванович, ведущий методист ККЮБ им. И. Ф. Вараввы, член СП России, литературовед, лауреат всероссийских литературных премий (г.Краснодар) рассказал участникам о теории стихосложения. Сенин А. В., возглавляющий ЛТО «Центр», в своём выступлении затронул вопросы фонетики и морфологии, говорил о современном русском языке и языке «Слова о полку Игореве».

Не обошли стороной участники семинара и рассмотрение возможности реализации творчества

членов ЛИТО, сотрудничества с библиотеками, районной прессой и административными ор-

ганнами. Особый акцент — на работе ЛИТО как наставника и просветителя творческой молодёжи. Примеры для этого есть: протяжении многих лет поэты ЛИТО «Горячий Ключ»: Н. Чернов, Д. Ефременко, Н. Логвинова, В. Горбенко, Г. Гришко и др. тесно сотрудничают со школами и библиотеками города, укрепляя связь между поколениями, пропагандируя творчество кубанских поэтов.

Директор муниципального бюджетного учреждения культуры «ЦБС» МО г. Горячий Ключ Ситухина

И. П. говорила с коллегой из Краснодара о проектах ККЮБ, ориентированных на творческую молодёжь и методических возможностях продвижения проектов на местах и о роли литературных объединений как творческого актива при библиотеке. Семинар прошёл в тёплой дружеской атмосфере.

Савченко Элина,
руководитель ЛИТО
«Горячий Ключ»

Педагог, учёный, гражданин

Под таким названием 28 февраля в ЦГБ им. Н. А. Некрасова состоялось заседание литературной гостиной «Новая книга». Читателям библиотеки и студентам вузов Краснодара была представлена книга Ларисы Гавриловны Орел «И это всё — о нём...», посвященная кубанскому и украинскому литературоведу и краеведу Василию Николаевичу Орлу (1928–1987). Он был создателем первого в России музея им. Т. Г. Шевченко, одним из инициаторов открытия Литературного музея Кубани в доме атамана Я. Г. Кухаренко.

В. Н. Орел оставил литературное наследие, но при жизни была издана только одна его книга «Коста Хетагуров и Украина». Выходом в свет трудов писателя мы обязаны его вдове Л. Г. Орел и профессору В. К. Чумаченко. Они подготовили к печати книги «Атаман Кухаренко и его друзья» и «В поисках истины», статьи «О судьбе писем Т. Г. Шевченко к Я. Г. Кухаренко», «По кухаренковским местам на Кубани», опубликована с комментариями обширная переписка писателя.

«Кубань, Кубань! Все лучшие творческие годы я прожил вдали от тебя, под прессом страха с 1963 вплоть до 1975-го. Десять лет оглядываний, переживаний», — восклицал Василий Николаевич. Он вынужден был

покинуть родину и переехать на постоянное место жительства на Украину, в город Николаев, но связь с родным краем не терял никогда.

О любви В. Орла к Кубани и литературе,

о значении его трудов и, конечно, о новом издании его жены и соратницы говорили гости встречи: председатель правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор газеты «Кубанский писатель» С. Н. Макарова; Е. Н. Неподоба; научный редактор книги, кандидат филологических наук, профессор В. К. Чумаченко; редактор книги «За взлетной полосой» Ю. Г. Макаренко; научный сотрудник КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына Л. М. Еспенко; директор издательства «Экоинвест» А. Г. Касьянов. Присутствующие выразили особую благодарность Ларисе Гавриловне за огромную работу по сохранению наследия Василия Николаевича.

Сотрудники библиотеки подготовили к мероприятию электронную презентацию «Василий Орел: в поисках истины», А. Хараш и Н. Лободырева сделали инсценировку рассказа писателя «Гвоздика». Приглашенный на встречу ансамбль бандуристов «Зирочка Кубани» представил музыкальную композицию.

СОБИНФО

БОЛЬШИЕ ЧУВСТВА МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ

В краснодарском издательстве «Новация» вышла дебютная книга анапского прозаика Ирины Иваськовой «Бумажный саксофон».

Настоящего прозаика чувствуешь сразу, по первым строкам. Одно предложение, второе, третье, и вот уже от страницы не оторвать глаз – читаешь до финальной точки. А потом ещё и возвращаешься к самым запомнившимся, изящно очерченным лоскутам текста, наслаждаясь вкусом слов, их весом, а также щедро рассыпанными по периметру бумажного листа речевыми «специями».

Работа в редколлегии альманаха «Парус», где я довольно давно являюсь ответственным за раздел «Проза», требует внимательного чтения большого количества текстов. Особенно интересно знакомиться с неизвестными авторами. Втройне приятней – открывать новые талантливые имена.

Хорошо помню, как несколько лет назад мне передали рукописи прозаика Ирины Иваськовой. Я взял листы с мелко отпечатанными новеллами, начал читать первую – она называлась «На тёмных берегах» – и сразу почувствовал: вот оно, сердцебиение настоящей литературы, которое ни с чем не перепутаешь. За выверенными до буквы текстами виделся уже состоявшийся писатель – начитанный хорошей литературой, впитавший из неё чувство вкуса и языка и при этом самобытный. Вверху страницы рядом с фамилией автора был написан номер телефона, и я сразу же позвонил: познакомиться, поделиться всплеском эмоций и сообщить, что с нескрываемым удовольствием порекомендую эти рассказы в альманахе.

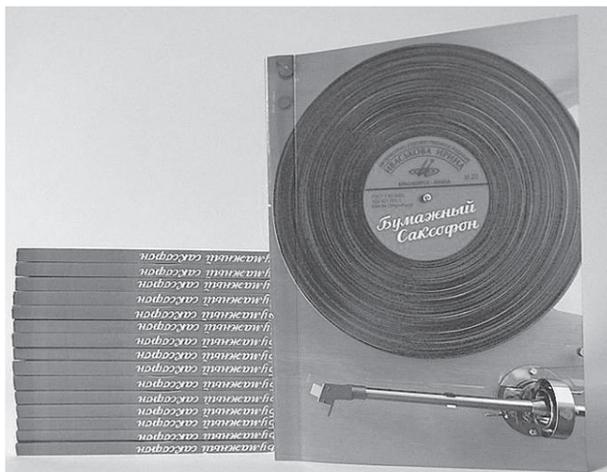
С той поры Ирина как прозаик проделала серьёзный путь. Её библиография пополнилась публикациями в журналах «Город» (Анапа) и «Север» (Петрозаводск), главным призом Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзия прекрасного света» и участием в литературно-художественном проекте «Послесказие»: как во «взрослой» его версии, так и в детской. Параллельно продолжалась постоянная, напряжённая, требующая полной самоотдачи работа над текстами.

В текстах Иваськовой парадоксально переплетены север и юг: дают о себе знать годы жизни в студёном, порой излишне суровом и по климату, и по темпераменту Красноярске, но особенно выпукло ощущается переезд на берег Чёрного моря – в залитую солнцем Анапу, город с совершенно иным характером, но отнюдь с не меньшим накалом страстей и бурлением судеб. Жизнь на курорте будто добавила в прозу Ирины новые нотки тепла, окрасила дополнительными оттенками.

Продолжая традиции писателей-гуманистов, в своём творчестве Иваськова в первую очередь обращается к внутреннему миру человека. Чаще всего её герои – самые что ни на есть «обычные» маленькие люди: не спасители мира, не отважные покорители космоса, не политики или кинозвезды. Даже Норма Джин из одноимённой новеллы – лишь диковинное для большинства обывателей прозвище ничем не выдающейся девчурки, в одном спонтанном поступке которой внезапно преломляются, словно в призме калейдоскопа, жизненные линии её соседок по дому – нарисованных штрихами, практически одним мазком кисти художника, но при этом парадоксально выпуклых и реалистично-узнаваемых.

Похожий приём, но уже более отточенно автор использует в небольшой повести «Бумажный саксофон», где в качестве звеньев, случайно соединяющих незнакомых друг с другом героев, выступают серебряные блёстки – результат эксперимента музыканта-неудачника Бубенцова. Этакая волшебная пыльца, дарящая добро и надежду тем, кто отчаянно в них нуждается, и оставляющая раздражение у тех, кто давно утратил веру в чудо.

А ведь именно такой чистой веры подчас катастрофически не хватает нашему обществу. Её носителем в небольшой повести «Шурочка» выступает полусумасшедшая тётка главной героини Мила, которая рвётся проповедовать толпе, казалось бы, безнадежно избитые истины: «Не может борьба и победа над слабым быть самой важной в человеческой жизни. Внутри у человека такая хрупкость, такая нежность, что-то вроде пёрышка или одуванчика. Ну не может появиться в людях такая вещь только потому, что когда-то кто-то кого-то победил, или убил, или унизил

по-всякому».

Однако откровения Милы оказываются не нужны ни безразличным, безликим посетителям супермаркета, возле которого она устраивает «сеанс истины», ни, тем более, «предвещающим развлечения» охранникам. Лишь несчастная, сама давным-давно обитающая в хрупком иллюзорном мире, так и оставшаяся безымянной Катякина мать откликается на проповедь, и её измученную неприкаянностью и бытовухой душу внезапно наполняет покой.

Тонко и точно в повести «Тяжёлый человек» автор говорит о страхах, которые хорошо знакомы каждому родителю, беспокоящемуся о своём ребёнке. Мальчик Пашка однажды внезапно становится тяжёлым – в прямом смысле. Ни один врач не может объяснить феномен, ни одна знахарка не способна излечить от таинственной заразы.

Мать-одиночка мечется от инстанции к инстанции, пока в итоге бесплодных поисков не приходит к неизбежному: «...ждать больше нечего, и нужно брать вот это всё, что предложено, прижимать к груди и радоваться, потому что другого нет и не будет. Она думала, что обижаться на жизнь

совсем глупо. Ну, в самом деле, как можно обижаться на свет, дыхание и тепло». Лишь поняв это, пройдя весь отмеренный путь, мама Пашки вместе с читателем достигает катарсиса.

Финал «Тяжёлого человека» остаётся открытым: каждый волен трактовать его по-своему, оптимистично или нет. Но ясно одно: ни для мальчика, ни для его матери мир не останется прежним, и брызги низвергающейся с крыш талой весенней воды очистят будни «маленькими городскими водопадами, живущими всего несколько часов и смывающимися холодом с потускневших за зиму сердец».

Среди героев Ирины немало блаженных. Среди них несостоявшаяся мессия Мила («Шурочка»), ставшая «дурной» после страшной болезни Верка («На тёмных берегах»), грезящая белой комнатой и большой и чистой любовью Изабелла-Белка («Белка»), проваливший свой главный музыкальный эксперимент Бубенцов («Бумажный саксофон») или записывающий на аккуратных карточках кажущиеся ему самыми значимыми и правильными фразы Георгий («Мир, полный сожалений и тепла»). С точки зрения человека нормального все они ущербны, однако каждый персонаж из галереи тех, кого чаще всего характеризуют «не от мира сего», отмечен благодатным светом, способным озарить всех, кто находится рядом. Другое дело, захотят ли люди открывать сердца этому огню?

Особенно хочется подчеркнуть ювелирную работу автора со словом: видно, с какой скрупулёзностью Иваськова подходит к каждому образу, как благодаря удачно подобранным метафорам совсем по-новому начинают играть, казалось бы, привычные вещи: «...чудесное дрожание чувств терялось где-то между ним и саксофоном, оставляя слушателям лишь пустые, высохшие рёбра мелодий», «кудри эти – блестят от лака, наверное, твёрдые на ощупь, как недодаренные макароны»...

Да, это далеко не всегда лёгкое чтение. Подчас его наполняет почти физическая боль – до дрожи и стиснутых зубов от искренних переживаний за узнаваемых, почти родных героев. Однако автор, проверяя их на прочность чередой испытаний, отнюдь не стремится сделать текст более чернушным или сыграть на эмоциях читателя. Писатель понимает: лишь преодолев все испытания, можно очиститься, ведь дорога к свету терниста, и не каждому по силам пройти её достойно. Только сильным, только обладающим неутомимой, мятущейся душой, распахнутой, как незаживающая рана...

Читателям, которые впервые познакомятся с прозой Ирины Иваськовой, можно по-доброму позавидовать. Её первая – небольшая по объёму, но богатая по содержанию книга удачна и тем, что её можно раскрыть практически на любой странице, зацепившись взглядом за особенно затейливые строки, и тем, что рассказы и повести хочется перечитывать. В наше сумбурное, непростое и откровенно жестокое время, когда чтение постепенно становится занятием для избранных, это дорогого стоит.

Сергей Лёвин,
член Союза российских писателей

ВНИМАНИЕ КОНКУРС!

Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Поэзия русского слова» 2017 года

Фестиваль-конкурс проводится с 29 сентября по 01 октября 2017 года в городе-курорте Анапа. Заявки на участие в Фестивале-конкурсе принимаются до 01 июля 2017 года. К участию в Фестивале-конкурсе приглашаются авторы литературных произведений на русском языке в возрасте от 16 лет, независимо от места жительства и гражданства, членства в творческих Союзах, с разделением на возрастные группы: «Открытие» – до 35 лет включительно и «Мастер» – старше 35 лет, разделяющие в своих взглядах цели и задачи Фестиваля-конкурса.

Произведения представляются по следующим номинациям:

- **Поэзия.** Принимаются поэтические произведения любых направлений и жанров. Тематика: свободная. Объём всех стихотворных произведений не более 100 строк.

- **Малая проза.** Тематика произведений: свободная. Объём произведения до 10 000 знаков (без пробелов).

- **Произведения для детей.** От одного

автора принимаются произведения в прозе и поэзии. Требования для объёма произведений: Поэзия - объём всех стихотворных произведений не более 100 строк. Малая проза - объём произведения до 10 000 знаков (без пробелов).

- **Литературный перевод.** Перевод стихотворного текста с любого иностранного языка на русский. Требования: к конкурсному тексту-переводу должны прилагаться – оригинальный авторский текст для украинского и белорусского языков; подстрочник с авторского текста для иных языков. Одна конкурсная работа не более 100 строк.

Один автор может принимать участие в конкурсе не более чем в двух номинациях под одним именем (псевдонимом).

От участников фестиваля требуется направить в адрес Оргкомитета заявку по установленной форме (Положение и форма заявки на сайте город-курорт Анапа <http://www.apara-official.ru/news/2017/03/15793/>) с 01 марта до 01 июля 2017 года. К заявке приложить произведения в электронном

виде (в виде файла формата MicrosoftWord, шрифт TimesNewRoman, размер шрифта 14, интервал между строками 1, между стихами – интервал 2). Текст должен содержать имя автора (псевдоним) и название произведения. Перед произведениями обязательно должна быть указана номинация. Все произведения должны иметь указание на год их создания. На конкурс могут быть выдвинуты только те произведения, жанр и содержание которых соответствуют конкурсным номинациям, написанных не ранее 2014 года и не участвовавшие в других литературных конкурсах. В письме должен быть указан адрес получателя и пометка на Фестиваль-конкурс «Поэзия Русского слова» и ФИО. Письмо должно иметь четыре Приложения: 1. Фотографию участника в расширении jpg, размером не более 100 кбайт. 2. В одном файле все конкурсные произведения (с указанием названий номинаций перед текстами и возрастной группы «Открытие» или «Мастер»). 3. Заявку. 4. Ксерокопию квитанции оплаты за участие в конкурсе. Заявки для участия

с приложениями с пометкой «на Фестиваль-конкурс «Поэзия Русского слова» направлять по адресу:

353440, Россия, Краснодарский край, город-курорт Анапа, ул. Астраханская, 2, МБУК «Центр культуры «Родина» муниципального образования город-курорт Анапа. Тел./факс: 8(861333) 4-51-97. E-mail: anaparodina@mail.ru

Для участия в Фестивале-конкурсе установлен организационный взнос в размере 500 рублей. Реквизиты получателя денежных средств (для перечисления организационных взносов и спонсорских средств):

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Центр культуры «Родина» муниципального образования город-курорт Анапа:

ИНН 2301036903 л/с 926 51 1020 Р/с 40701810100003000001 в РКЦ г. БИК 040304000 КПП 230101001 Адрес: г. Анапа, ул. Астраханская, 2 E-mail anapa-rodina@mail.ru Тел/факс 8(861333) 2-03-41 КБК 9260000000000000130 ТС 20 00 00

Устремленные в небо

В литературном музее Кубани прошёл вечер памяти кубанского прозаика В. Т. Иваненко, приуроченный к 90-летию со дня рождения писателя. В нём приняли участие сотрудники музея, литераторы, артисты «Театра ветеранов сцены» творческого объединения «Премьера», краснодарские студенты.

«Профессии художника и летчика близки друг другу, потому что во многом требуют от человека одних и тех же врожденных или приобретенных черт и качеств: чувства пространства, движения в нем, темпа и ритма его, глазомера и тонкого чувства цвета, аналитического отношения к обязательствам в работе, романтизма...».

К. К. Арцеулов, авиаконструктор, планерист, летчик и мыслитель

Человек, гражданин, писатель Виктор Трофимович Иваненко в своих «Размышлениях над лётной книжкой» писал: «У каждого, кто дожил до седых волос, есть, не могут не быть какие-то сугубо личные, ни на что не разменянные воспоминания прошлого. Для меня это равной мерой увиденное мальчиком в объятиях своей «няньки» Покровка — восточной окраины Краснодара времен нэповского ажиотажа и драматических начал коллективизации...».

В. Т. Иваненко родился в 23 февраля 1922 года. Окончил ФЗУ, работал токарем на заводе «Краснолит» грузчиком, разнорабочим на стройках в Краснодаре и Херсоне.

Об этом в «Размышлениях...» вспоминал: «Суровой, но и доброй была для меня старая Покровка. В лабиринте ее прямых, пыльных летом и слякотных зимой улиц, в общении с жившими на этих улицах в хатах-мазанках пацанами-ровесниками и старожилками-соседями-железнодорожниками, рабочими шорно-седельной фабрики, заводов «Саломас», «Кубаноль», хлеборобами-единоличниками, кустарями-обувщиками, кузнецами, печниками, дрогоями, торговцами, ну и блатниками тоже — формировалось изначально мое осознание сущего».

В 1939 г. окончил без отрыва от производства Краснодарский аэроклуб и на общественных началах работал инструктором-планеристом.

Затем по комсомольской путевке был направлен на учебу в Центральную лётную школу инструкторов. После окончания ее

работал летчиком-инструктором в аэроклубе Алтайского края. Обучал лётному мастерству вчерашних школьников-сибиряков.

В 1942 г. его призвали в ряды Красной Армии. Он служил в системе военных учебных заведений ВВС, готовил пилотов для фронта.

В молодые годы велика тяга к лётной профессии! Правдами и неправдами стремились тогда молодые люди в летчики. Не минул сего жребия и Виктор Трофимович. Его можно понять: кто видел нашу прекрасную Землю с высоты птичьего полета, тот не может не спеть ей гимн.

Нетрудно представить себе, что испытывал молодой летчик, паря над этой дивной красотой. С каким напутствием он провожал своих учеников на фронт! Как завидовал им, улетающим на защиту Родины. Сколько потом накопилось в душе невысказанного. И как томилась душа желанием излиться, исповедоваться о прожитом и пережитом.

За эти годы Виктор Иваненко на 17 типах самолетов, поршневых и реактивных, налетал тысячи часов днем и ночью, в ясные дни, когда на десятки верст просматривались таежные просторы и горные отроги, и в ненастье, когда не видно было земли под собой.

В годы войны классный летчик-инструктор обучил и выпустил в небо несколько боевых полков. Это был каторжный труд — не только физически, но и психологически. Он делал летчиками немцев, венгров, поляков, перуанцев, ливанцев, афганцев и монголов, не понимая тонкостей русского авиационного языка. Десятки выпускников молодого командира стали выдающимися летчиками в своих странах.

Говорят, неисповедимы пути Господни. В творческом самовыражении тоже. Виктор Иваненко пришел в литературу. Видно, душа романтика продолжала парить над Землей.

В 1958 г. был уволен из рядов Советской Армии по состоянию здоровья.

О первых муках творчества он не склонен был вспоминать. Оно и понятно — в этот период больше мук, чем творчества:

«Мне карандаш держать не легче — Трудней намного, чем штурвал...».

Публикации появились в 1957 году.

Сначала в газете «Советская авиация» — первый рассказ «В грозу», потом в «Красной Звезде», «Советской России», в «Литературной газете».

Первая книга «Валька из Ростова» вышла в 1963 г. в Краснодаре.

Через пять лет после выхода этой книги его приняли в члены Союза писателей.

Вот как об этом писал В. Иваненко:

«В Союз писателей меня приняли, когда библиотека «Красная Звезда» опубликовала мои рассказ «Тишина на аэродроме», получивший первую премию на всесоюзном конкурсе к 50-летию Вооруженных сил. А мой роман-диалогия «В долине Копсан», «Угол атаки» о работе в войну летных училищ Комитетом СССР по печати был отмечен как явление в отечественной литературе. Многие из увиденного и прочувствованного на голубых дорогах Родины в пору реактивных самолетов отображено в повестях и рассказах: «Перехватчики», «Школаштурмующих небо», «Вернитесь, генерал!».

Признание пришло!

Известный писатель Виктор Ротов так писал о творчестве В. Иваненко:

«У него есть одна особенность — придавать всему, что он говорит, значимость и романтический привкус. Иногда говорит

простейшие вещи. А над мыслью его тихо мерцает этаким светлым ореол. Так и в книгах своих. Вроде пишет о простых житейских вещах. Но вдруг на каком-то абзаце тебе в сознание легонько так войдет тихое озарение и обнимет душу призрачной радостью».

И вот отрывок из романа «В долине Копсан»:

«Хороши в долине ночи — чистые, прохладные, звездные. Приволье самолетам. Падай, где хочешь, лишь бы на три точки. А потом пробег сколько хочешь. По траве до пояса. На сотни верст трава. И триста солнечных дней в году».

Умение его коснуться тончайших струн души находит понимание и отклик у читателей.

О простых людях, тружениках цехов и полей, Иваненко писал много и всегда любовно. Сам, пройдя в молодости рабочую школу жизни, он понимал их думы и нужды.

Писатель два срока возглавлял Краснодарскую писательскую организацию. Избирался депутатом краевого Совета народных депутатов; кандидатом в члены крайкома КПСС.

«Да, работа этих органов, и моя в них, не была идеальной, — писал В. Иваненко. Но она всегда была общественно полезной, направленной на социальную защищенность всех слоев населения жемчужины России Кубани в составе Советского Союза. Это не подлежит забвению тоже. В душе каждого здравомыслящего россиянина сохранилось незамутненным чувство гордости за нашу великую Родину, за нашу защищенность от унижений, чьих бы то ни было».

В. Иваненко был награжден престижным знаком министра обороны «За шефство над Вооруженными Силами».

В соавторстве с Кронидом Обойщиковым выпустил широкоформатные фильмы «Дороги отцов», «Солдаты», «Военные врачи».

Поэт и писатель во все времена на Руси был олицетворением души и совести нации. Об этом — боль кубанского писателя Виктора Иваненко.

«Теперь над его вечным покоем гремят мощные реактивные машины. Но они не тревожат его душу. Это самая сладостная музыка всей его жизни», — писал К. А. Обойщиков.

Виктор Иваненко

Сержант Борщева

Отрывок из повести «Хроника старой Покровки»

Передо мной раскрытая моя, уже тоже состарившаяся лётная книжка. На ее страницах в хронологическом порядке зафиксированы все мои за двадцать лет отрывки от земли на семнадцати типах поршневых и реактивных самолетов. Ни одна тысяча их была на разные задания — днем, ночью, в простых и сложных метеоусловиях, в тропосфере и стратосфере. И все они были в основном связаны — в годы войны и после — с подготовкой воздушных бойцов, летчиков-истребителей, обучением вчерашних школьников не бояться в отрыве от земли ни облаков, ни ночи, ни черта, ни дьявола. Вспомнилась в этот час и Полина Борщева на лётном поле в долине Копсан (смерти). Тот день выдался обычный: тридцать восемь градусов в тени. Такую жару плохо переносили «Яки». Людей на старте изматывало безветрие. Самолеты вытряхивали из травы желтые облака горячей пыли. Безветрие позволяло облакам отслаиваться над стартом, сливаться в густой удушливый туман, сквозь который слабо, как желток через мутный стакан, проглядывало солнце. На земле туман почти не редел. В нем серыми тенями пробегали люди. Голоса их звучали бодро, руки работали проворно. Из этих рук «Яки» получали силу для полета и снова уходили в небо.

— «Беркуты!» Я — Тюльпан!.. Не дремать! — сипло бросал в микрофон Тюрин, когда на него наплывало облако пыли. — Не дремать, «Беркуты». Усилить осматрительность.

Анохин сидел рядом прямо, вытянув больную ногу, и чему-то улыбался. Неожиданно он вскочил:

— Слышите, капитан?

— Слышу, — нехотя буркнул Тюрин. — Борщенок орет. Константин Константинович. И куда его не денешь.

Все, что могла и старалась делать Полина как мать, это кормить сына строго по часам. Ровно в полдень Константин Константинович являлся к ней обедать. Он чихал на плановую таблицу полетов, которую тоже строго по времени должна была выполнять его мать. Задерживала она хоть на минуту в воздухе, Борщенок закатывал рев на всю долину. Был он еще совсем сморчок. А заявить о себе умел. «В отца пошел, чертенок», — смеялись романовцы.

Привозила его Фаечка на старт вместе с ужином. Личный состав ужинал обычно по звеньям, в три смены. «Яки» тогда вылетали реже. Пыль несколько рассеивалась.

В тот день Полина ходила за воздушную цель. Она только что зарулила на линию предварительного старта, выключила мотор, разорвала на себе грудную перемычку лямок парашюта и, еще не остывшая после «воздушного боя», не просохшая, строгая, повернулась лицом к Фаечке. Пока менялись ее «противники», Полина могла покормить ребенка, не вылезая из кабины. Она приняла от Фаечки плачущего сына.

— Сейчас, горлопан! Сейчас! — поцеловала его пальцы, накинута на голову ему свой шелковый подшлемник и стала расстегивать комбинезон.

Костя умолк. Полина откинулась на бронеспинку. Взгляд ее был устремлен куда-то далеко через прицел, а на губах, потрескавшихся от жары, блуждала усталая, счастливая улыбка.

В эскадрилье к этому давно привыкли. И теперь лишь отворачивались, когда Полина принималась расстегивать комбинезон. Анохин не отвернулся. Уставясь издали на Полину, он неожиданно приказал Тюрину:

— Выключить моторы!

Тот посмотрел на него с удивлением;

— Зачем, товарищ подполковник?

— Выключить моторы!!! — повторил Анохин таким голосом, что Тюрин вздрогнул, а потом со злостью крикнул стартеру: — Выключить моторы!

Стартер скрестил флажки над головой. Винты самолетов

на линии предварительного старта и даже тех, что уже приготовились к взлету, перестали молотить воздух. Перестала волноваться трава и курчавиться пыль за хвостами.

Напуганный внезапно наступившей тишиной, Борщенок всхрипнул, будто и он уже понимал — тишина на старте в разгар полетов — признак беды.

Но это была торжественная тишина. И Анохину казалось — сейчас на всей земле выключились моторы боевых машин, и люди на всей земле сейчас прислушиваются к чмоканию губ маленького Кости. Ковыляя к самолету Полины, Анохин как-то по-мальчишески весело и глупо улыбался.

— Что же Вы так? — спросил он, наваливаясь на плоскость грудью.

— Как, товарищ подполковник?

— Да вот так. По авиационному.

— А-а... — Полина рассмеялась. — «И мы пахали», — скажем, отцу, когда вернется.

Словно бы желая посмотреть, кому мать выбалтывает семейную тайну, Константин Константинович приподнял голову.

— Привет! — подмигнул ему Анохин с улыбкой.

Борщенок равнодушно зевнул. Полина осторожно перешла к Фаечке. Та стояла рядом, возле плоскости.

— Держи, тетка, готов! — быстро застегнула комбинезон и стала натягивать на плечи лямки парашюта.

Сползая по кромке крыла ближе к кабине, Анохин спросил ее:

— Вас как зовут?

— Сержант Борщева!

— А по-человечески?

— Сержант Борщева, — нахмурила брови Полина. — От винта, товарищ подполковник!

— Есть от винта, товарищ сержант! — Анохин отскочил в сторону и поковылял к полуторке, где Фаечка уже кормила летчиков пшенной кашей.

Подготовила по материалам печати
С. Товекалова

ЮБИЛЕЙ

ПОЭТ, УЧИТЕЛЬ, ДРУГ...

(Размышления о жизни и творчестве Нины Хрущ)

Живу, как все, в провинции глубокой.
Здесь день и ночь такие ж, как в Москве.
Здесь больше ветра в небе синеюком,
Упрямой жизни в мартовской траве.
Здесь всё стремится выпустить отростки,
Пустая ветка станет молодой.
На локотке задумчивой берёзки
Раздвинул почку листик озорной.
Весны закон – отныне и до века
Один для всех, и даже там, в раю
Он вторгнется в астралы человека –
На грани смерти, жизни на краю.
Вот потому лучистую лампаду
Возжечь нам дух творящий повелел,
Чтоб не боялись холоду и гладу,
Чтоб чёрный ворог нас не одолел.

...Что расскажет о поэте лучше его поэтических строк? Понимаю, что это редко кому удаётся. Потому и начала свой небольшой рассказ со стихотворения моей первой литературной наставницы Нины Никитичны Хрущ. Её Поэзия — это безоглядное синее небо, в котором стремительно чертят полётные строфы ласточки и стрижи... Земля, где растут, прислушиваясь к мирозданию, подснежники, а, расцветая, делают «простой и благородной» стихотворную строку... Музыка, в которой слышен взволнованный «Стук секунд, одетых на запястье...». Россия, без которой не мыслится жизнь... Это ли не главное для талантливого, имеющего свой неповторимый и узнаваемый голос истинного русского лирика, а часто и мудрого собеседника-философа Нины Хрущ?

Так откуда же истоки, где корни страстной и глубокой любви к слову русскому кубанского поэта? Думается, прежде всего, на малой родине Нины Никитичны. Родилась она в г. Артёмовске Красноярского края. Могучий край Сибири с долгими снежными зимами и лесными цветами, травами заповедными и ягодами-искорками щедро напитал, вскормил девочку. А родников-то в лесу сколько! Из которого испила Ниночка студёной и сладкой воды, что огнём горним обожгла её и к Творчеству причастила? Кто знает...

Позже родители переехали на Волгу, и добрая сила великой русской реки обняла и поразила девушку. Именно здесь, а потом и на многонациональной земле Дагестана рождаются первые стихи юной Нины, она начинает осознавать себя поэтически. Приходит первая любовь, её свет и трепет передаётся строчкам:

Тайну слов я твоих отгадаю
В теплом сумраке белых берёз,
И веселый покой потеряю,
И печалиться буду до слёз.
Захочу твоих рук или смеха,
Захочу твоих губ или глаз -
И любви моей гулко эхо
Растрожит немедленно нас.
Ознобит, озадачит, остудит,
Опьянит, отрезвит, обожжет.
И никто нас с тобой не осудит,
И никто никогда не поймёт.

И следующее погружение-узнавание в юное, но такое искренне-пьянящее:

И никаких особых дат,
Но вдруг случается веселье.
Лесных фиалок аромат
Мне кружит голову, как зелье.
Не унимается душа,
Лесной букет держу руками
И вспоминаю не спеша
Как пахнет лесом и грибами,
Лесною влагой и травой,
Снежком, припрятанным в ложине
И не висят над головой
Года, подобные лавине.
И плакать можно, и любить,
Быть беспредельно открытой,
Чтобы тебя не оскорбить
Ни ложным чувством, ни изменой.

На мой взгляд, здесь уже слышится настоящий поэт.

Ставрополье и Кубань тёплыми ветрами,
спелой пшеницей, сиренью и маками согрели
молодую женщину. Она работает на агро-

промышленном комбинате в г. Гулькевичи и заочно учится. Сначала – в Новороссийском индустриальном техникуме, затем – в народном университете им. Н. К. Крупской на факультете журналистики в г. Краснодаре. Здесь, на Кубани, крепнет и расцветает её поэтический талант. Семинары и творческие встречи, которыми руководили рыцари кубанской литературы: Иван Варавва, Виктор Лихоносков, Виталий Бакалдин, Кронид Обойщиков, Иван Бойко, Вадим Неподоба стали истинной школой высокой Поэзии. И это о них, написанное сейчас, ведь душа-то не остывает:

ЛАСТОЧКИ МЕЧУТСЯ В НЕБЕ

Ласточки мечутся в небе...
Время прибавит вам сил.
Больше пишите о хлебе -
Мудрый Варавва просил.

Критику слушайте стойко.
Критик завистлив и зол.
Так мне наказывал Бойко
И незаметно ушёл.

Слушайте сердце особо,
Чтобы вам люд не твердил.
Нежный Вадим Неподоба
Плакал со мной и курил.

В небе почаще летайте -
Дал наставленье Кронид.
В славе победу узнайте,
Всё вам победа простит.

Каждый мне дал понемногу
От сопряженья души.
Строгий Бакалдин в дорогу -
Девочка, можешь, пиши...

Светло сложилась и личная судьба. Нина – счастливая жена, мама и бабушка, и это тоже – стихи... Они появляются в районных и краевых газетах, журналах и альманахах: «Родная Кубань», «Краснодар Литературный», «Мозаика Юга», «Ладомир». В

1997 г. Нина Хрущ становится членом Союза писателей России, а позже – постоянным автором и лауреатом ежегодной премии журнала «Современник». Так приходит искренняя всероссийская любовь читателей и признание.

мёдом и конфетами, разговаривали обо всём, что близко, конечно, читали друг другу свои стихи. И я поделилась тайной:

– Нинушка, я размеры стихотворные забываю, будто кто ластиком из памяти стирает. Грустно...

– И что, Аня? – улыбочиво ответила Нина. – Должно быть стихо-творение, а не стихо-сложение. Не схема, но – дыхание. У тебя размер, ритм – на кончике пера, от природы. А нужно будет понять для себя или объяснить кому-то каким именно размером что-либо написано, вспомнишь, прочтёшь образцы. И всё, полетишь дальше. – Я улыбнулась в ответ. Нина Никитична взяла с книжной полки томики Пушкина, Есенина, Цветаевой, блестяще прочла и разобрала несколько стихотворений классиков. Поступок учителя-друга запомнился навсегда.

И ещё. Глубокая любовь поэта Нины Хрущ к Кубани поражает меня и согревает сердце:

Руками поле обниму,
Прижмусь щекою к нежной ниве,
В минуту светлую пойму,
Что нет земли моей красивей.
Здесь в каждом слове – дар и дань, –
Река бежит за поворотом,
Горит закат, – моя Кубань
Сверкает лёгкой позолотой.
Пускай полмира обойду,
У рек других и вешних пашен
Такого счастья не найду, –
Моей Кубани нету краше!

Вот так и живёт русский человек и поэт Нина Хрущ – летит ласточкой к небу, когда приходят стихи, оставаясь строгой и нежной, противоречиво-земной... И главная боль и радость «за облаком беленькой блузы», у сердца, по-прежнему Россия: «И храм, и хлеб – одно начало Отобразилось во Христе. И сколько б Русь не горевала – Свет солнца будет на кресте».

В слове – судьба...

И от всей души хочется сказать: «С юбилейным Днём Рождения, дорогая Нина Никитична! Да бережёт Вас и Ваше творчество Господь, не умолкает птичий щебет, и не прерывается полёт в синеве небесной, а время никогда не будет холодным! Позвольте подарить Вам стихи:

БЕРЁЗА

Нине Хрущ

Вы так похожи на берёзу, Нина, –
Тепло души, задумчивая статья.
Была бы мной написана картина,
Когда бы я умела рисовать.
Капелью буквы в строчках истекают,
Кружит их в вальсе ветренный Апрель.
Но не растают буквы, не растают,
Как не умолкнет вешняя свирель.
А перед Вами – снова лист бумаги,
Такой же белый, как берёзы ствол.
На нём я вижу лес, поля, овраги,
И летний дождь хохочущий пошёл.
А вот и Осень загрузила кротко,
Без сожаленья отдавая свет.
Вся сладость – в яблоках.
И горечи в них нотка,
А без того – и жизни нашей нет.
Зима приходит. Дарит хризантемы.
Огонь горит, и радостно в дому.
И снова строчки музыкальной темой,
А как пришли – не ведать никому.
И о весне, ещё далёкой, грёзы,
Когда вернётся черноокий грач,
И потекут берёзовые слёзы...
О, если б слышать только этот плач!

Счастья, поэт, учитель и друг!

Анна Вартастьян,
член Союза писателей России,
г. Гулькевичи.

ЮБИЛЕЙ

НИНА ХРУЩ:

Между веток вдруг стало видней –
Чётко вписаны чёрные трубы.
Обмелел небосвод, и сильней
Режет холодом руки и губы.
Тянет стужей от мокрой земли,
Что-то рано дохнуло ненастье.
Лист злачённый кружит на мели,
Время мчит, обнимая запястье.
Буду думать, молчать о своём,
Где струящийся свет над полями,
Где грустит над спокойным лицом
Старый тополь с пустыми ветвями.
Каркнул ворон, слетел со столба,
Крылья блещут в седой паутине.
И была ещё нежной судьба
К ожидавшей покоя равнине.

Взгляд отдыхает на зелёном
и нежится на голубом...
Но алый цвет, в траву вкрапленный,
был схвачен суженным зрачком.
Кровинка – не зовёт, не плачет.
Дурная смута очи ест,
в чертополохе беды прячет
и ловит солнышко с небес.
Предвосхищая голос страстный,
я долгим взором засмотрюсь, –
молчи, молчи, и не напрасно
к тебе лететь не тороплюсь.
Но что мешает сладкой жизни?
Весь мир не смеется в песок...
Сиротский свет моей отчизны
за тонкий прячется дымок.

Приду к тебе и тихо зазимую.
Снежинки небо свет меж ветвей.
Расстелет вечер скатерть голубую,
Тягучий воздух станет холодной.
Безлюдно, грустно
в стынущей округе.
Горит фонарь на площади пустой.
Над ним, как князь
в серебряной кольчуге,
Звенит ветвями тополь молодой.
Всё это блажь, но каждому своё –
Таков удел избранных счастливых.
Одумайся – мне шепчет бытие, –
Не путайся в желаньях торопливых.
Передохни, пока горит огонь,
Пока ещё мерцает синий холод,
Пока ещё кондуктор, как Харон,
Людей везёт через морозный город.

Тихо осень спускается в травы.
Солнце ниже к далёким холмам.
Жёлтый лист украшает дубравы.
Птицы вольно летят к облакам.
В предосенье и мне не до меха –
Обмелел моей жизни родник.
Между туч золотая прореха,
Что б к земле лучик солнца проник.

В мире нежном, обманном, туманном
Куст калины всё ярче, красней.
Что хочу в этом времени странном –
День прожить без тревог и страстей.

Остались простые привычки:
Отправлюсь к себе на кулички,
Затеплю в печурке огонь,
В саду моем тихо синички
Доверчиво сядут в ладонь.

Какие безмерные выси,
Под ними слабей холода.
Снега в феврале удались, и
Открытая стынет рука.

Синички так низко летают
Среди одиноких террас.
Пернатые, вас не хватает,
Мне в городе скучно без вас.

Уходит зима без остатка,
И свой покидает уют.
Как звонко, как нежно и сладко
В саду моём птицы поют.

И снег, будто мыльная пена,
И солнышко светит в лицо,
И соки по веткам и венам –
В одно совместились кольцо.

Какие сумерки глухие
В закатных нежатся лучах.
Светла, светла моя Россия,
У снежной вечности в руках.
Струится снег холодным светом,
Не шелохнётся тишина.
Каким ты связана обетом,
Моя великая страна?
Кому поможешь в дни лихие,
Храня от страха и невзгод?
Все на поклон идут к России –
Она поддержит и спасёт.
Гордыню с гневом обует,
Смахнёт с надменных злую спесь.
И вновь над миром воссияет
Её достоинство и честь.

Последняя пчела скользит по срезу,
Срываясь вниз и, замедляя бег,
Где солнца луч прервав небес завесу
Остановился тихо на ночлег.
А сад молчит, ветвями лёг на крышу,
Дурманит прелью, запахом листвы.
Шуршат под ней запасливые мыши,
Смешались корни дерева и травы...
И не понять – зачем иная сила
В саду осеннем тихо разлита,
Которая меня остановила,
И мне сомкнула дерзкие уста?
А жинье вокруг по-прежнему чудила,
Была надменной, чтобы мне рискнуть
С ней танцевать под абрисом светила
И с ним объятья нежные сомкнуть.

Белое облако рая
Тихо над храмом стоит.
Может, кого отпевают
Ждёт оно, вдали не летит.
Белое облако рая
Снова притянет мой взгляд,
Нежно под солнцем сияет –
В храме детишек крестят.
Белое облако рая
Кружит над храмом святым,
То в синем небе сверкает,
То превращается в дым.
Боже, прости нам сомненья –
Слаб человек, не един.
То мы стоим на коленях,
То кулаками грозим.

Не говори... Где тонко там и рвётся.
Осенний день то плачет, то смеётся,
Как и народ то пляшет, то в слезах,
Поклон земле и, снова в небесах.
Все порознь будто – правда и обман,
С утра ледок, а вечером туман
Сползает тихо инеем с травы.
Прижмусь к плечу, касаясь головы.
Хочу унять тревогу и волненье,
Всё отойдёт, как боль, как опьяненье.
Лишь белый лист влечёт к себе, скорбя.
Вернуть бы все из прошлого напевы,
Опять любить, любимой быть, любя
Предначертать весенние посевы.
И честной быть, ни в чем не виноватой,
Быть при народе, в возрасте крылатой,
Не подломив ни слово, ни крыло
Всем говорить – мне просто повезло.

Стало светло и раздольно
Во поле, в небе, в саду.
Перебираю невольню
Слов своих Божью руду.
Птичье пугливое эхо
Гасит озёрный родник.
Тополь в осенних доспехах
Витязем гордым возник.
В душу гляжу свою зорко
С думой о прошлом, былом,
Время настало уборки –
Вычистить весь бурелом.
Чтоб не осталось огреха
В днях моих жарких, сухих,
Чтоб не желала успеха
В мыслях беспечных своих.

И что же тебе не поётся?
Настигла меня тишина.
Дождь летний, и он перельётся,
Его ослабела струна.
Притихли щегол и синица –
Есть тайный удел у певца.
Чего ожидать страница
Лишь светом касаясь лица?
Я вас обожаю как прежде,
И щебетом вас не грузю.
Я в летней свободной одежде

На веточке тонкой сию.
И сердце мне кажется лёгким,
И просто мне им осязая,
Что с лепетом птичьим, неловким,
Я в небо могу улетать.

Как эта зоренька румяна,
В закатном нежится огне.
Зачем неясная поляна
Пригрезилась в коротком сне?

Где я одна в саду вишнёвом,
В своём застенчивом раю,
То разговариваю с Богом,
То песни русские пою.

Здесь мне не жарко и не знобло,
Взлетают искорки во тьму...
Но отчего так сердцу робко
В горящем, призрачном дыму?

Даль. Небосвод. В небесной сини
Сверкают звёзды холодней.
Легко ли жить в моей России?
Господь, ты думаешь о ней?

Лукавых истин мне не надо,
И мой вопрос – не тяжкий крест,
Где жизнь моя в пределах сада,
И тишина стоит окрест.

Пришёл туман и всё невнятно.
Фонарь лишь тлеет, не горит.
Сырой листвы рыжеют пятна,
От поздней осени знобит.
Притемнены в тумане мгlistом,
Как будто лондонском дыму,
Реклам сверкающих монисто
Совсем ненужных никому.
Провинциальная Россия
Не знает правды и вражды,
Живёт не лучше чем другие
Кому сомненья не чужды.
Она бедна и бережлива
В пределах области земной,
Пока туман без перерыва
Стоит меж небом и землёй.

Быть бы нежной, как эта трава,
Не меняя заветных привычек,
Верить в жизнь,
Как в простые слова,
Что в строке не имеют кавычек.
Мне казалось, что только вчера,
Было вдоволь любви и покоя,
А сегодня настала пора –
Понимать совершенно другое...
На холодном, пустом берегу
Прислониться щекою к Отчизне,
Вот и всё, что хочу и могу,
В этой сложной и праведной жизни.
Посмотреть, как у ровных полей
С криком кружит грачиная стая.
Как притихла в преддверье дождей
Осень жизни, почти золотая.

КНИЖНЫЙ МИР

О РОМАНЕ БОРИСА ТУМАСОВА «НЕ ВВЕДИ ВО ИСКУШЕНИЕ»

Совсем недавно известный писатель-историк, наш земляк Борис Евгеньевич Тумасов отметил свой 90-летний юбилей. За эти годы пришлось пережить многое: войну, тяжёлое ранение, потерю друзей... Но это только закалило его характер, помогло преодолеть препятствия и стать хорошим преподавателем, а самое главное – написать интереснейшие исторические романы, раскрывающие самые разные периоды истории нашей Родины. Ведь, к сожалению, приходится констатировать, что свою историю мы знаем недостаточно. Произведения Б. Е. Тумасова — своеобразная летопись истории России. Поэтому выход каждого романа Бориса Евгеньевича — это праздник для наших читателей. Такой новинкой в прошедшем году стало переиздание романа «Краснов: Не введи во искушение», вышедший в серии «Белое движение». Он посвящён жизни и деятельности одного из лидеров Белого движения, генерал-лейтенанта, атамана Войска Донского, писателя Петра Николаевича Краснова (1869-1947). В числе тех, кто противостоял советской власти, пожалуй, не было фигуры более противоречивой, чем генерал Краснов. Историки пишут, что он был одним из ру-

ководителей российской контрреволюции. Литераторы назвали его поэтом и рыцарем «Тихого Дона», исследователем прошлого и будущего, фанатом и утопистом. Краснов — герой Первой мировой войны. На его счету почти четыре года лихих конных атак и окопной жизни. Писатель Александр Куприн, столкнувшийся с Красновым в Эстонии, в армии Юденича, назвал Петра Николаевича «очаровательным человеком». Противоположного мнения был Антон Иванович Деникин, которого военная судьба не раз сводила с Красновым на Дону. Деникин характеризовал атамана как самодовольного эгоиста, не разбирающегося в средствах для достижения своих целей. Зная, что Краснов был предан престолу, в годы Первой мировой войны стал приверженцем генерала Корнилова, а затем попутчиком Керенского, невольно задаётся вопросом: какие дороги привели его к сотрудничеству с фашистской Германией? Что побудило Краснова в эмиграции разделять взгляды гитлеровцев, оказаться рядом с ним в их войне с Советским Со-

юзом, способствовать созданию казачьих частей, действовавших против югославских партизан и советской армии? Он очень полюбил Россию и мечтал видеть её свободной от советской власти. Об этом Краснов скажет, находясь в Лефортово, за несколько дней до своей казни. Во время гитлеровской оккупации Кубани Краснов побывал и в нашей станице. Вот как это описывает Б. Е. Тумасов: «Затем Краснов решил побывать в станицах Кущёвской и Уманской. Он помнил, что прежде здесь сформировались два полка, один из которых находился под его, Краснова, командованием в Первую мировую войну. Краснов ехал по пыльным степным дорогам, сначала донскими, потом кубанскими станицами. В Кущёвской к нему в машину подсел полковник из вновь сформированного отряда. В недавнем прошлом это был помощник атамана станицы Уманской, бра- вый, молодой ещё казак Соломаха. В проезжающих станицах и хуторах Краснов недолго задерживался. Ему было приказано в первых числах ноября возвращаться в Берлин.

Вот и Уманская. (Краснов упорно не хотел именовать её Ленинградской). Петра Николаевича поразили развалины многих домов, отсутствие заборов... Всё казалось заброшенным, забытым. Бурьян местами вымахал в человеческий рост, хаты и сараи как после татаро-монгольского нашествия. Краснов вылез из машины и в сопровождении Соломахи пошёл по центральной улице... Краснов шёл медленно, по-стариковски сутулясь, поглядывая по сторонам. Сказал, будто сам себе: «Неприглядно жили уманцы». Роман Бориса Евгеньевича Тумасова «Краснов: Не введи во искушение» помогает нам по-новому взглянуть на личность Петра Николаевича Краснова, в какой-то мере понять этого человека как гражданина. Особенно важно это сейчас, в преддверии 100-летия Октябрьской революции, когда просто необходимо объективно оценить те далёкие события. Прочитайте новый роман Тумасова и сможете сами оценить личность Петра Николаевича Краснова. Н.Н. Пелипенко, библиограф Ленинградской межпоселенческой библиотеки.

ПРОЗА

Ирина Логунова-Левецкая

г. Анапа

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

синей или красной.

— Спасибо, Юра. — серьезно шепчу я, всматриваясь в далекий, таинственный мир на маленьких картинках.

— Это Ленинград — показывает он тонким, как тростиночка, пальцем с круглым ноготком.

— А это вот Киев. А вот медали...

В наградах я мало смыслю и спешу за-

крыть альбом — булочку, чтоб не показать своего невежества.

Сейчас я понимаю, что Юра подарил мне самое дорогое, что у него было, что он собирал и хранил, и приумножал всю свою двенадцатилетнюю жизнь, на копейки собранные от неполных завтраков. В нашем дворе все в основном жили не богато, а то и бедно, и, конечно, мама давала ему пятнадцать копеек только на еду в школе.

— Юра-а! Сыно-ок! — услышала я ее голос. Мама Юрки пересекала двор и махала ему рукой. Желтые волосы подпрыгивали на ее плечах колечками. Юрка смутился, застенялся, порозовел весь, будто мама застала его за чем-то неприличным. Подбежал к матери, схватил ее сумку, глядя в землю. Он с мамой поднимался по лестнице на свой этаж, а я стояла растерянная, недоумевающая, что с ним произошло. Я не понимала тогда, что мама Юрки невольно стала свидетельницей его подарка мне, и он был смущен. Юрку я воспринимала тогда отдельно от всего мира, и, конечно, от его мамы, которая была слегка похожа на Золушку из сказки — красивая и бедная. В детстве мы росли стеснительными детьми. А еще я вспоминаю, как мы ходили в кино — Юрка по одной стороне улицы, я по другой.

Летом родители командировали меня в пионерский лагерь Адриановка, под Читой. Земляничные поляны среди тайги, хрустальный воздух — ничего не могло заменить мне моего любимого двора, моего папочки и Юрки. Утром, просыпаясь раньше всех, я лежала на казенной кровати и, вспо-

миная доброе лицо своего папы, плакала. Именно отца я любила почему-то сильнее, чем маму, в тот период жизни. Позже был и другой период, когда не было никого дороже мамы, но тогда... С закрытыми глазами я видела его лицо и тосковала. Кончился сезон в лагере тем, что приехавший проводить меня папа, был со слезами обцелован и забрал меня домой. Мягкое сердце папы растаяло о моих рыданиях, и, вскарабкавшись на проходящий мимо Адриановки товарняк, мы полетели к маме и бабушке в Читу. Навстречу неслась темной зеленью тайга, ветер бил в лицо, рвал волосы. Я прижималась к упругому папиному боку и была счастлива. Я, конечно же, простудилась. Отлежав в постели положенное ангине время и, выслушав укоры бабушки о том, с какой любовью она собирала меня в лагерь, вышивала инициалы на вещичках, а я там все оставила, я вышла во двор. Он показался мне наипустейшим местом в мире — Юрки не было на нашей лестнице! Постоюв немного, я вернулась в свою комнату. В ней слегка пахло старым деревянным шифоньером и чистотой, которую так любила моя мама. Я села за фортепьяно. Не хотелось играть ни сонату Гайдна, что мне задали в школе, ни тем более технических этюдов. Хотелось играть своё. Мелодия возникла грустная, теплая. Я готова была плакать, но слезы не проливались из глаз, а заполняли горло, щемили до боли, будто не зная, как вырваться наружу. Это было что-то вроде сладких судорог. Наконец я успокаивалась и, начиная заниматься сонатой Гайдна, на время забывала о Юрке.

Но однажды случилось невероятное: Юрка признался мне в любви! Для нас, девочек, еще и играющих в куклы, каждая ступенька лестницы представлялась домом для отдельной куклы. Я расправляла одеяльце — тряпочку, клала на нее куклолку, пеленала и укладывала на «свою ступеньку» спать.

Каменный дом «папа» с южной стороны до половины был закрыт бетонной стеной, неясного предназначения. Скорее всего, она отделяла дворы друг от друга. Наш двор был намного выше соседского двора, в котором жил генерал Бугреев. Он — самый настоящий генерал, был нам очень интересен, но видели мы его редко. Спускались сумерки, я задумчиво укладывала на ступеньки милых куклолок. Меня кто-то тихо позвал. На стене стоял Юрка. Он, как всегда странно смотрел на меня, и не помню как, но я, бросив игру, оказалась напротив него на бетонной стене. Он почему-то молчал и смотрел. Мне надоело ждать, я собралась уходить и даже отвернулась, поглядывая вниз на своих брошенных куклолок (вдруг кто-то заберет их?) Откуда-то сверху, как мне показалось, опустился очень мягкий, очень низкий мужской голос. Он произнес: «Я люблю тебя!» Я подняла голову, заозиралась. Никого нет кроме нас. Снизу из своих одеялец недоумевающе таращились мои куклолки, казалось, они тоже пораженные этим басовитым странным мужским голосом и взрослыми словами. Все вроде

было как обычно: в нижнем дворе шагала из школы генеральская дочь с ранцем на плечах, с полным розовым лицом, в квартирах зажигала свет, но и все изменилось до неузнаваемости. Все стало другим, благодаря новому, хорошему чувству, исходившему от Юрки, и сделавшему обычное необычным. Генеральская дочь превратилась в ангела, рюкзак — в сложенные за плечами крылья. Желтые окна дома преобразились в пылающие огнем квадраты. Не было слов, восторга или слез — одно светлое широкое чувство, вибрирующее между нами. Хотелось, чтоб оно длилось и длилось. И, боясь вспугнуть, я замерла, обхватив предплечья горячими, как огонь, ладонями. Юрка тоже замер, придвинув лицо с гладкими розовыми губами к моему лицу. От его губ хорошо пахло молоком, но я почему-то испугалась. Надувая щеки и вытаращив глаза, я решила дуть, что было силы в это лицо, отдувая его от себя, взрослого, оставляя только это светлое и широкое чувство, так нечаянно возникшее между нами. Глаза Юрки заходили из стороны в сторону под напором воздуха из моих губ, как будто ветер закачал два воздушных шарика. Он отстранился слегка, но руки положил мне на плечи, видно, не ожидая такой реакции. Глаза его сузились, он отстранился еще далее, не расставшись до конца со своим замыслом поцеловать меня. Мы стояли и смотрели друг на друга в полном ошеломлении в вибрирующем звонком пространстве нашего первого в жизни чувства.

— Я тебя люблю — ещё раз выдохнул он, его дыхание было восхитительным как молоко с земляничкой. Руки его легко вспорхнули с моих плеч, он быстро повернулся спиной и... сиганул со стены вниз. Выгоревшая красная рубашка надулась пузырем. Я испугалась еще сильнее — ведь высоко, метра три! Я стояла на стене, как с горы глядя на убегающего от своего чувства Юрку. Быстро стемнело. Я трясущимися руками собирала кукол в корзину и устремила домой. Откуда взялся этот мужской голос, удививший меня, я узнала намного позже. Оказывается, у мальчиков бывает мутация. Голос взрослеет и очень меняется. Пока я жила в лагере Адриановке и пока блела ангиной, Юрку настигло мужское взросление. Его голос из высокого, почти девичьего, превратился в мужской баритон. Этого я не могла понять своим десятилетним разумом.

Папа, увидев мои пылающие огнем щеки, заподозрил, что я заболела и положил ладонь на мой лоб. Тут же явился градусник и неприятным холодком впился в мою подмышку.

— Вот это да! — воскликнул папа. Тридцать девять! Быстро ужинать и в постель!

Есть я совсем не хотела. Выпив молока с кусочком хлеба, зарылась в постель, и тут же погрузилась в сладкое состояние, волнами качающее меня до самого утра. Со всех сторон наплывали сонные видения, и среди них тёплым клубочком кружились слова «он меня любит». Покой тихо и безмятежно наполнил душу, и будто ничего главнее и важнее в жизни не было и не будет этих трех слов. «Он. Меня. Любит!»

Утром я проснулась такая здоровая, веселая, какой давно не была. Целую неделю я не встречала во дворе Юрку. Видимо, он прятался, не зная, как ему быть со мной после сказанных в сумерках на стене заветных слов. Позднее я узнала, что он с мамой переехал в другой город.

Овальное пространство, что называлось «нашим двором», охраняли три двухэтажных дома. Два каменных, я звала их «папа-мама», и один бревенчатый, на высоком каменном цоколе. До революции эти дома принадлежали помещику по фамилии Беркович. Был ли он тем детским композитором, чьи этюды мы играли в музыкальной школе? Вполне может быть. Наш двор был замечателен лестницами. Деревянные, они вели на вторые этажи, тонко поскрипывали под ногами и даже чуть пошатывались. Видимо, задумывались кем-то как временные сооружения, хотя внутри домов лестницы на вторые этажи тоже имелись. Черная металлическая лестница, уходившая под крышу дома, «мама» звалась «пожарной». Она была любимым местом детворы. В центре двора желтела песочница, вокруг нее наши родители, выйдя на воскресник, насадили деревьев и цветов. Цветы в основном пестрые: анютины глазки и оранжевые бархатцы, пахнувшие терпко и свежо. В нашем дворе обычно жила тишина. Люди с утра уходили на работу. В шестидесятые годы двадцатого века они еще верили в коммунизм и строили его, кто как умел. Моя малая родина — город Чита отсталая в развитии от центральных городов. В суровый читинский климат ссылали в свое время декабристов. Расположена Чита в котловине между сопками. Несмотря ни на что, Чита для меня в детстве была самым прекрасным городом на земле. Это был мой Город. Утром после завтрака я непременно выходила во двор. Бабушка, без всякой выкройки, на глазок, сшила мне ситцевый вишневым костюмчик в белый горошек. Он очень меня украшал, «шел» к моим русым волосам и белой коже. На пожарной лестнице меня всегда ждал Юрка. Я вспоминаю его, похожего на подсолнушек — на тонкой шее круглая, в легких кудряшках голова, лицо в редких светлых веснушках. Мне десять лет, Юрке двенадцать. Я, окинув хозяйским взором двор, начинала искать в песке свои «секреты». Юрка с лестницы не сводит с меня глаз, смотрит завороченно, странно. Я не могу понять, о чем он думает, но уходить не хочется. Я рассказываю ему про свой «секрет». Этих секретов у нас, девочек, зарыто много по всему двору. «Секрет» это ямочка с разноцветными фантиками от конфет, красивыми камешками, закрытый сверху стеклышком. Он — большая тайна, и показывать ее можно только другу. Значит, я доверяла Юрке, если смахнув ладошкой землю, разрешала любоваться своим «секретом».

А Юрка в то время души не чаял в марках. Марки он собирал, покупая, обменивая, выискивая самые редкие и необычные. Это было, как сейчас называют «хобби», а тогда мне казалось, что это от нищеты. Марки ведь были дешёвые, яркие, легкодоступные, их коллекционировать просто, да и филателистов в то время было в городе много. Вот и сейчас я вижу внутренним взором, как он держит в руках альбом с выпуклой желтой, как на булочке, корочкой. Держит на ладони бережно и странно смотрит. Глаза его зеленые, как речная волна. Юрка прыгивает с лестницы, подходит ко мне и протягивает альбом. Выпуклая лаковая корочка блестит так, что хочется потрогать ее пальцем, что я и делаю. — Это тебе! — выдыхает он. — Возьми на память.

Я беру альбом, он увесистый, надежный, как и сам Юрка. Открываю первую страничку. Аккуратно и чистенько наклеены марки. Каждая обведена рамочкой для красоты —

Владислав находился в предвкушении особенного вечера. Пивной напиток, наггетсы-полуфабрикаты и важный для страны матч. Он дышал в унисон с игроками, ликовал синхронно с бесконечно далёким стадионом и ощущал себя настолько счастливым и удовлетворенным, насколько таким может сделать человека кабельное.

Одно но: то и дело приходилось закрывать надоедливые всплывающие окошки skype. Болельщик до сих пор не удалил безнадежно устаревший аттавизм киберпространства вовсе не потому, что он ему чем-либо нравился. В эпоху стартапов, половина из которых — новые

Дарья Тоцкая
АТАВИЗМ

приложения для смартфонов, а оставшаяся часть — кэшбеки и прочие, опять же, виртуальные сервисы и способы заработка, skype оставляют в ноутбуках лишь те, чьи мамы и бабушки живут в других населенных пунктах и редко навещаются в гости ко взрослому чаду. Но желают принять самое непосредственное участие в его жизни.

Владислав считал, что предков тоже можно назвать атавиз-

мом. Они уже ничем не способны помочь ему. Отец играл в русскую рулетку с новыми пролежнями, пока рак укутывал пустотой и обреченностью его последние дни. Мать расплелась, обзавелась диабетом и с трудом выполняла подъём и разворот в паре с клюкой, отполированной до блеска старческими немощными кистями. Ухаживать одной за отцом ей трудно, но ещё труднее дать сыну право жить так, как

он хочет это делать сам.

У Владислава не вымыты контейнеры для еды, не продлена страховка авто и в жилище не обосновалась одна на всю жизнь, постоянная женщина. «Да, мам», — это всё, что он отвечал бесполезному атавизму, когда поток пиксельных упреков грозил прорваться и разрушить его реальность.

Реальность Владислава: Microsoft Office, 1С, Вконтакте, Whatsapp, Viber. Итог матча: 2:1 — победа! Жаль только окошко skype закрыло опасный голевой момент, переросший в — гоол! — который Владислав, как и многое в своей жизни, пропустил.

В феврале в Анапе прошёл литературный конкурс короткого рассказа, организованный сайтом Анапа.life совместно с Краснодарским региональным отделением Союза писателей России.

География конкурса оказалась достаточно обширной: принять участие в литературном состязании решились авторы из Геленджика, Ейска, Краснодара, Анапы и других городов Кубани. Итоги конкурса подвешены: первое место заняла Дарья Тоцкая из Краснодара, второе — Анна Ходотай из Анапы, третье — Анастасия Варивода из Ейска.

Предлагаем вашему вниманию рассказ победителя конкурса.

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН

(Минск, Беларусь)

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ

Догорала заря...
Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника
во чреве забытых полян...
А он шёл, напевая...
Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, милай?...
И вторило эхо: «Иван...»
Он шагал через луг —
Чертыхаясь — нежатою полоской,
Ну а дальше, разувшись,
по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване?
— Туда, где красно неброской
Очарован, стекает
косматый туман со стрехи...
— Так чего тут искать?
Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку
и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра
зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает
со стрех цепенеющих хат...
Эх, какая земля!
Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица
в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь...
И родится Иван от Ивана —
Подрастёт и вражине промолвит:
«Отчизну не тронь!»
Нараспашку душа...
Да и двери не запёрты на ночь.
Золотистая капля
опять замерла на весу...
— Ты откуда, Иван?
— Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца...
В авоське несущ...

«А я любил советскую страну...» Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.
О, сколько было строев и атак
В моей стране, исчезнувшей!..
Однако
Её люблю, не глядя на ГУЛАГ,
И несмотря на травлю Пастернака.
Теперь она отчётливей видна,
Там дух иной и истинность — иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.
Мне до сих пор ночами напролёт,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поёт
И три танкиста гонят самураев...
Там Сталинград ещё не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад —
Под первый снег...
В каникулы...
Седьмого...
Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины — Москва...»
Я там же... Не Москва моя столица...
Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас — салют...
Во славу той страны, которой нету.

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебряный перезвон.
И живот в бою отдав за друга,

Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.
И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Колышущий зябкую тьму.
Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времён,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.
И сам ты на сирой аллее,
Такою ненастной порой,
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.
Поймёшь — все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук

Серебряный ветер
врывается в дом из-под шторы,
Чумная газета
от ветра пускается в пляс.
И чудится Гоголь...
И долгие страшные споры,
Что вёл с непослушным Андрием
чубатый Тарас.

И что-то несётся сквозь ночь...
На тебя... Издалёка...
И тайно вершится
не божий, не праведный суд.
И чудятся скифы...
И чёрная музыка Блока...
Кончаются звуки...
А скифы идут и идут.
Полночи без сна...
И едва ли усну до зари я...
Приходят виденья,

чтоб снова уйти в никуда.
И слышно, как бьётся
пробитое сердце Андрия,
И слышно, как скачет
по отчим просторам Орда.
На мокнувших стёклах полуночных фар
перебранка,
И тени мелькают —
от форточки наискосок.

А где-то, как некогда,
тихо играет тальянка,
И в душу врывается
старый, забытый вальсок...
Полоска рассвета,
как след от верёвки на вые...
Задёрнется штора...
Отныне со мной навсегда
Года роковые,
года вы мои ножевые,
Почти не живые,
мои ножевые года.
Всё смолкнет внезапно...
Поверишь, что лопнули струны.
Спихватись — где он,
главу не склонивший редут?
Иное столетье...
И это не скифы, а гунны,
Зловещие гунны
в тяжёлых доспехах идут...

Октябрь... Во мгле оцетинились ели,
Потупила женщина раненый взгляд.
Намокли кусты... Журавли улетели.
А я всё хочу воротиться назад.
Туда, где туман над тропинкою ранней,
На луг васильками стекли небеса,
Где первые искорки робких желаний,
Зрачок о зрачок! — высекают глаза.
Где плющ закурчавился возле беседки,
Где гроздь рябины кровавят закат,
Где чахлое солнце повисло на ветке,
А я все хочу воротиться назад.
Туда, где поспела уже ежевика,
Где осы роятся... Ужалят... Не трожь!
И где позади журавлиного крика
Нежатою полоскою стелется рожь.
Где сад сторожит дед с берданкою злоущей,
Где все заголовки нахально кричат
О светлом пути, о счастливом грядущем...
А я всё хочу воротиться назад.

Золотистым нерезким просветом
Осень тихо на кроны сползла.
И такое явилось при этом,
Что в душе — ни печали, ни зла.
Осветила... Зажгла... Заалела...
Утолстила нагие стволы.
У хатенки, что никла несмело,
Сразу сделались ставни белы.
И среди векового раздора,
Где овраг, запустенье и глушь,
Чей-то голос запел без укора,
Будто вспомнив июльскую сушь.
Ну а после, чуть солнце в печали
Утонуло средь пней и грибниц,
Долго птицы о чем-то кричали,
Хоть казалось, что нет уже птиц...

Только дождь... Только ночь... Только ветер.
Только слабо чадит огонек.
Только листья с нищающих ветел
Закружились... И путник продрог.
Натянул капюшон и не слышит,
Что кричит ему женщина вслед.
Только ветку рукою колышет,
Только щурится молча на свет.
На неверном свете догорая,
Утомясь от небесных щедрот,
Только капля сверкнет золотая
И, поблекнув, по куртке сползет.
Молча выпью остывшего чаю,
И взгрустну, что сквозь влажную тьму
Никогда я уже не узнаю,
Что там вслед прокричали ему.

Я помню холодные женские руки,
Вечернее платье, разбитый бокал,
Коротенький миг — от любви до разлуки,
И слово, что зря на ветру расплескал.
Неверный, замедленный блеск снегопада,
Снежинку, рассекшую стынущий взгляд,
И губ единенье... И это: «Не надо...»,
И робкий порыв убежать в снегопад.
Я силился что-то сказать... Не хватало
Ни слов, ни дыханья, ни слез из-под век...
И длинное платье с крылечка сметало
За эти мгновенья нападавший снег...
А после, оставшись один с этой мукой,
Гадал, повторяя: «Душой не криви...»,
Что ранит сильнее — любовь пред разлукой?
Иль память, в разлуке, о прошлой любви?

Тихо свечи догорают в полутьме,
Два безумца рассуждают об уме.
Двум несчастным это Божья благодать —
Всё о счастье, всё о счастье рассуждать.
И сидят они, и булькает вино,
И о трезвости толдычат все равно.
Повторяют, мол, спивается народ,
Оттого неурожай и недород,
Оттого по всей округе неуют,
Оттого-то, мол, и птицы не поют.
Оттого в домах и стрехи набекрень,
Оттого-то осыпается сирень...
О высоком рассуждают дураки —
Им стреху чинить, конечно, не с руки.
Снова чарку поднимают, снова пьют...
А в округе даже птицы не поют.

Поземка кружит, одинокость струя,
Без сна и предела.
Еще не стемнело, родная моя,
Еще не стемнело.
И чудится — кто-то подергал замок
И смолк за порошей.
Иль просто буран на мгновенье замолк
Под снежною ношей.
И тень мне на книгу ложится твоя,
Душа заалела...
Еще не стемнело, родная моя,
Еще не стемнело.
Холодной ладони коснется рука,
И смолкнут созвучья.
Лишь ворон в окошке слетит свысока
На мерзлые сучья.
У старых записок мохрятся края,
Обычное дело.
Еще не стемнело, родная моя,
Еще не стемнело...

Пиши, пророк, пиши про рок,
Не рви напрасных струн.
Неужто в сумраке продрог —
Сказитель и вещун?
Неужто вновь угас задор,
Заряд сердечный пуст,
Твоя усталость с неких пор —
Всего лишь алость уст?...
Неужто так неровен наст
И этот шлях — без роз,
Где нам Отечество возраст —
В последний путь даст воз?
Восстань над бездной роковой
Средь горя и страстей,
О роке пой, о роке вой,
Но замолкать не смей!
Пускай судьбою не согрет
Метафор поводирь,
Умолкнешь ты — погаснет свет
И онемее ширь...

Спаси небесную Россию
От одноимцы земной,
Где тоже льют дожди косые
И воздух в сумраке грибной.
И так же можно выйти в сени,
Достать из бочки огурец...
Там так же помнят, что Есенин —
Не для парада — для сердец...
И все же вся она другая —
Без той высокой чистоты,
Что в душах светлое являет,
Творя иконы и холсты.
Она еще патриархальной,
Чем та, что горьковской сродни —
Грязнее дном, судьбой печальней,
Страшней призывом: «Очерни!..»
Она давно привыкла к смуте,
К тому, что порют за пустаки —
При лже-Димитрии, Малюте,
При Годунове... Но ведь как?...
Из русских русскость вышибая,
Наотмашь, истово, взахлёб,
По-русски песни распевает,
Совсем по-русски крестит лоб.
И про «авось» воскликнет спьяну,
И выпьет «горькую» до дна...
Но та, что в небе — осиянна,
А эта — злобна и мрачна...

Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи,
В омут канула последняя звезда,
Это мне ли пред судьбиной неминучей
Всё считать-читать ущербные года?
Что-то грохнет-охнет-охнет в поднебесье,
За пригорком тропка в мокрое свернет,
И шальной седок умчится в редколесье,
Редко-редко, но улыбкою сверкнет.
В бурелом трава-травинка не гнется,
Бурелом для трин-травинки — трин-трава.
Сизый селезень картово захлебнется,
И от мрака просветлеет голова.
А потом, когда устало-тало-тало
Небосвод повеселеет ввечеру,
Осенит — таких мгновений очень мало,
Когда Русь не призывают к топору.
Просто дождичек прошел в Руси великой,
И не нужно никому на смертный бой.
И Отчизна Несмеяной светлоликой
Просияла в красном красною красой.
Просто огненно теперь на белом свете,
Вновь пичугами затенькали сады.
Лады-лады-лады-ладушкины дети
Запоют на все веселые лады.

Среди зловещей тишины, —
Ни Марс, ни Геба, —
Жена и небо мне нужны,
Жена и небо.
Года спешат по виражу
Под вспышкой дальней...
Жене и небу расскажу
Свой сказ печальный.
Забыв Бодлера и Басё,
Шепну натужно:
«Жена и небо — это все,
Что в жизни нужно...»
Ну а в небесную страну
Сведет потреба —
Хочу лишь, Господи, жену
Увидеть с неба.
Чтоб убедиться, как — боса, —
Бредет по краю.
И с болью смотрит в небеса...
Зачем?.. Не знаю...

ПАНОРАМА

Внимание! Краевой литературный конкурс «Поэт года»

Северокубанское литературное объединение «Родник» при поддержке Краснодарского регионального отделения Союза писателей России проводит поэтический конкурс. На конкурс принимаются от 1 до 3 стихотворений на свободную тему, каждое должно иметь название. Принимаются в электронном виде, присылать на эл.адрес gen@uzhegov2014@yandex.ru Ответственность за соблюдение авторских прав несут авторы работ. Каждый участник конкурса оплачивает регистрационный взнос (100 рублей для одного участника). Полученные денежные средства будут направлены на поощрение победителей конкурса. Деньги перечисляются на карточку Сбербанка за № 639 002 309 034 930 477. Победителю конкурса вручается памятная медаль **ПОЭТ ГОДА** и денежное вознаграждение 1500 рублей; автор, занявший второе место, получает диплом и денежное вознаграждение 1000 рублей; за третье место — почётная грамота и денежное вознаграждение 500 рублей. Лучшие работы будут опубликованы в журнале «Мозаика Юга» в газетах «Кубанский писатель» и «Голос Кубани».

КНИЖНЫЙ МИР

В конце 216 года в Киеве в издательстве «Писатель в интернет пространстве» вышли в свет книги стихов и прозы Сергея Тимшина «Тёплый свет памяти» и «Я в Поэзию на исповедь войду».

«ТЕПЛЫЙ СВЕТ ПАМЯТИ» СЕРГЕЯ ТИМШИНА

(из вступительного слова к поэтическому сборнику Станислава Айдиня)

Сергей Тимшин назвал свою книгу «Тёплый свет памяти». Это простое название как нельзя лучше отражает характернейшую, если не основную, особенность всего его творчества. Стихотворные циклы книги большей частью будто овеваны теплом. Сердечность — вот что прежде всего в строках лёгких, музыкальных, а порою графико-акварельных... Что же касается поэтичности, то Сергею Тимшину не чужда парадоксальность, когда, например, он пишет — «Кудрявый мальчик с метким луком / Нанёс ранение и мне, / Несовместимое с разлукой / Ни на земле, ни на луне...» Амур или Купидон, божок любви, ранит поэта. И разлука с любимой более невозможна — «Ни на земле, ни на луне», то есть возникает спонтанная символизация — «на луне» — это читается как «сфера чувств», недаром во время Серебряного века в России людей чувственных, страстных называли «людьми лунного света» по названию одноименной книги интимнейшего мыслителя Империи В. В. Розанова. Мечтательность, свойственная ритмическим текстам Сергея Тимшина — тоже лунная.

Из книги

«Тёплый свет памяти»

ПРЕД ВЕЧНЫМ

Ярким звёздочкам дотлеть
На рассветном небосводе...
Всё проходит на Земле,
Всё проходит.
Даже вышние миры —
Эти солнца, эта млечность —
Всё до срока, до поры,
Всё — конечно.
Думы-думушки мои,
Просветлённая тревога:
Всё не вечно в бытии
Кроме Бога.

ПАСХАЛЬНАЯ ЗАРИСОВКА

...И рОсы, как хрустальное драже
На травах у сапфинового утра,
И светлое волнение в душе
От чувства сопричастности к чему-то.

И к высям обращённое лицо,
Омытое простором и свободой,
Где солнце, как пасхальное яйцо,
Окрашено чудесной позолотой.

Это вечерняя особенность поэта, не она ли проявляется тогда, когда он пишет — «И там до утренней зари / Теплом кубанским одари, / И в наши веси забери, / Будить во сне не смея, / Желанную мне фею...»?.. Романтизм европейской литературы, что-то от старой Англии или Ирландии, легком касанием седых крыльев тронул его «Предрассветный экспромт» (1916)...

С. Тимшин, конечно, оснащенный поэт, но, тем не менее, он не «книжный», в его строках легкое дыхание естественности при лирическом музыкальном ключе, которым владеет автор, пишущий о «гранатовых зорях»... В стихотворении «Здравствуй, Синица-Царица!», он создаёт образ своей лирической героини, жильё которой фантазийно превращается из обыденной квартиры в сказочный терем. Атмосфера тимшинских строк пронизана «призывками» лирической сказочности. Потому его творения не консервативны, а вне временно поэтичны, и это делает его творчество истинно привлекательным для внимательных, вдумчивых, творческих читателей... В его жизни неизменно присутствует мечтательность. В стихотворении «Лунные параллели» с подзаголовком «Невстреченной поэтессе», теме невстречи с возможной любовью соответствует извечная сердечная мечта о понимании, о возможной будущей радуге чувств... Можно жить бессеребрянником, но без поэзии и мечты такому поэту, как С. Тимшин — нельзя.

Станислав Айдиня,
заместитель председателя Южно-русского союза писателей, главный редактор литературно-художественного журнала «Южное Сияние», член Союза российских писателей.

В ВЫСИ БОЖИИ

Не от взгляда Василиска
Опрокинут навзничь я,
Это небо близко-близко
Задышало на меня,
Ослепляюще сутью
Наклонилося над мной,
Точно мама тёплой грудью
Колыбельною весной...

И такая мне улада,
И такая благодать,
Будто умер я когда-то
И родился вдруг опять...
И лежу я, незнакомый
Белу свету, в мураве —
Великан для насекомых,
Для светила муравей.

И как встарь земля поката,
И простор над ней — дугой,
И желаннее для взгляда
Нет реальности другой.
И слезится взор от марев,
И, вдыхая синеву,
На земном великом шаре

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВДОХНОВЕНИЕ» г. КОРЕНОВСК

Тамара Котова

Памяти Алексея Горобца

...А думал он о вечном и о чистом,
и взор его был светлым и лучистым...
Он сокрушался, что «устанет день»,
исчезнет без следа дневная тень,
что солнце «опечалится, скорбя»,
за мир, что не возвысит «до себя»...

Что старая, надтреснутая Лира
скрипит уныло и «заупокой»...
Объял весь мир...
Обнял весь род людской...
Дождей «восторг» и «нетерпенье зноя»,
любви большой томление земное,
растаяв недописанной строкой,
унёс, возвышенный и неземной,
с собой...

Зачем?
Когда темнеют небеса,
и проявляются миры,
когда дневные словеса
и шум смолкают до поры —
какою неземной токой
душа томится иногда,
когда вечернею порой
зажжётся первая звезда...

И бесконечности простор
для взора твоего открыт,
и звёзд мерцающий узор
с тобою — молча — говорит.
И повторяет свой вопрос
Галактик непрерывный бег:
«Зачем родился ты и рос?»,
«Камо грядеши», человек?...

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

Здесь живу,
где молоко в коровах,
хлеба эмбрионы — в колосках,
где рецептов нет на всё готовых,
где добро прописано в глазах.
Каждому местечко есть под солнцем,
где сюрпризов полон огород!
Где ночами под моим оконцем
Круг Луны отары звёзд пасёт...
Здесь живу,
где в каждом закоулке
бродит деревенская душа,
где хожу к речушке на прогулку
хор лягушек слушать в камышах.
Здесь очаг мой!
Центр притяженья!
Здесь мне и надёжно и легко.
Колобком укатятся волненья,
и уйдут тревоги далеко...
Здесь мой Храм!
И на его ступени,
как царица к трону, восхожу...
Вот, сварились к ужину пельмени,
побегу, соседку приглашу.

ЗА СТАНИЦЕЙ

Половодьем нивы
налитой пшеницы,
кромкой изумрудной
лесополоса,
через всю станицу
тополей ресницы,
серебристой речки
длинная коса...

Лебеди застыли, изогнули шеи,
в камышовой сини
мир и благодать...
Как перед святыней
в счастье онемену —
только здесь до неба
мне рукой подать...

БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ

Солнце колокольчиком
под другою радугой,
разве дому отчому
так же я порадоюсь?
Где сирень лиловая
в мае расцветала —
ничего не стало там,
никого не стало...
И, озябши-синие,
из собачьей будки,
грустные, по-псиному,
смотрят незабудки.
...Только чинит вихорь
старые дебоши,
да калитка тихо
«хлопает в ладоши»...

ОТЧИЙ ДОМ

Синеставный мой храм, ясноокный!
Еду, еду к тебе на поклон,
заглянуть, как в глаза, в твои окна
прикорнувший подправить уклон...
Раздышаться черешневым хмелем,
размечтаться под шёпот листвы,
серединным, цветущим апрелем
полной грудью хлебнуть синевы
Обрести богатырскую силу
в незаветренных, слабых руках,
и посеять — любовно, красиво,
и поднять эту силу в ростках!

Светлана Косьянова

* * *

Нет! Влюбиться никогда не поздно.
Ведь любя и сердце молодеет.
Человек для этого и создан,
Чтоб любить, надеяться и верить.
Всех прощать и жертвовать собою
Заслонить, спасти от горьких бед.
И придаться вечному покою —
Есть земной, а есть небесный свет.
Эта жизнь окончится когда-то,
Что для Бога в сердце сбережём?
Как любила высоко, крылато,
И дарила людям радость
День за днём!

* * *

Когда в дом постучится любовь,
Отвори ей все окна, все двери.
Ты живи и не прекословь.
Просто радуйся, просто веруй!
Зажигается в небе звезда,
Свет её проникает мне в душу.
Не страшна никакая беда,
Я закона любви не нарушу.

Я спасу тебя, если в ночи
Ты без света звезды заплутаешь.
Ты дыши и , прошу, не молчи,
Я люблю тебя..... Ты это знаешь!

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель — КРО СП России;
Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
Издатель: ИП «Кириллица»
Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350061

ул Красноармейская, д.39, ком.115
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11
E-mail: snmakarova@mail.ru
Электронная версия газеты на сайтах
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <http://sprosia.narod.ru>
и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»
г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
8(861) 274-10-74
Заказ №
Подписано в печать
20.03.2017 г.
по графику в 10.00,
фактически в 10.00.
Тираж: 999 экземпляров
Цена свободная